

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРВИНИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ЦЕНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериал «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена

Сериал «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ТАЙНЫ
БАДЕН-БАДЕНА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.

В31 Тайны Баден-Бадена / Валерия Вербинина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Любовь, интрига, тайна).

ISBN 978-5-04-089279-2

1867 год, Европа накануне великих потрясений. Загадочная графиня Вера Вильде живет в немецком городе Баден-Бадене, известном своим казино и целебными водами. Сюда приезжают отдохнуть или поиграть такие известные русские писатели, как Гончаров, Достоевский, Жемчужников, а их коллега Тургенев и вовсе построил себе в Бадене дом. Но не они сейчас интересуют графиню Вильде, а начинающий литератор Михаил Авиллов, который неожиданно для себя стал свидетелем преступления. Хотя полиция вскоре арестовала преступника, Вера и Михаил поняли, что расследование далеко от завершения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089279-2

© Вербинина В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Путешественники

Однажды в погожий летний день 1867 года двое русских сидели на террасе кафе Вебера и разговаривали. Вокруг кипел, шумел и блистал Баден-Баден — прелестнейший немецкий городок, притворяющийся добропорядочным курортом, а на деле — рай и ад для игроков всех мастей. Впрочем, наши собеседники, наслаждавшиеся веберовским мороженым, не принадлежали к числу заложников азарта, которые приезжают попытать счастья в местных казино. Старшему, Платону Тихменёву, было чуть больше сорока, и он состоял одним из редакторов толстого, денежного и влиятельного журнала, число подписчиков которого росло год от года. За глаза Платона Афанасьевича нередко именовали медведем, и действительно — крупный, плечистый, на вид неуклюжий, он чем-то напоминал этого зверя, но те из людей, которые привыкли судить по внешности, рано или поздно понимали, что в случае редактора она особенно обманчива. В отличие от медведей, он не полагался на силу и никогда не шел напролом, да и своим поведением куда чаще напоминал других животных — хитрых лис и зловердных хорьков. Мало кто любил его,

но почти все были согласны его терпеть за острый ум, пронизательность и редкую осведомленность во всем, что касалось современной литературы.

Что касается младшего из собеседников, Михаила Авилова, то ему недавно исполнилось 26 лет, и он только вступал в литературу. Светловолосый, худощавый, невысокого роста, он принадлежал к числу людей, которые в толпе не обратят на себя никакого внимания; но глаза у него были умные, и графиня Вера Вильде, главная местная сплетница, после знакомства с ним не зря заметила, что «в молодом литераторе что-то есть». Перу Авилова принадлежали несколько повестей, одна из которых была опубликована в журнале Тихменёва; также Михаил Петрович писал статьи на заказ и разную мелочь, которую в последний момент ставят в номер, если какой-нибудь маститый автор клятвенно обещал прислать свое новое произведение, взял под него у редакции аванс, да не поспел к сроку. Беседа редактора с писателем, начавшаяся с обсуждения общих тем, коснулась местной дороговизны; Тихменёв оживился.

— Что же вы хотите, батенька, — сезон в разгаре! Весной, пожалуй, еще можно было договориться о квартире подешевле, потому что никто не знал, будет ли война, — а если будет, Баден ведь недалеко от Франции, и мало ли что может случиться. Представьте, мне тогда предлагали отличную квартиру с балконом, на три месяца, и всего за тысячу гульденов, но я не согласился и, честно говоря, не жалею, потому что торчать тут безвылазно столько времени, наблю-

дать кислые рожи игроков да расфуфыренных парижских лореток¹ — что за удовольствие? И потом, я все равно собирался съездить в дюжину мест и, конечно, выбраться на выставку...

Тихменёв имел в виду Всемирную выставку в Париже, которая стала в своем роде событием года; но Авилов уже достаточно читал о ней и слышал и поэтому спросил о другом:

— Значит, по-вашему, войны между Францией и Пруссией не будет?

Платон Афанасьевич сощурился, так что его глаза обратились в узенькие щелочки, и усмехнулся так едко, что писатель почувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что задал столь нелепый вопрос.

— Конечно, будет, — с расстановкой промолвил Тихменёв. — Канцлер Бисмарк своим собиранием немецких земель создал в Европе новый центр силы. Заметьте, он уже отколошматил Австрию, которой его действия пришлось не по душе², а австрийцы ведь вовсе не лыком шиты. Ну-с, с одной стороны — немцы и Бисмарк, а с другой — император Наполеон... не первый, конечно, не первый, а всего лишь третий, но — таки Наполеон. У Франции долги, у Франции проблемы, и... крайне соблазнительно затеять какую-нибудь войнушку, чтобы отвлечь народ.

— А народ отвлечется? — не удержался Авилов.

---

¹ То есть куртизанок.

² Имеется в виду австро-прусская война 1866 года, в которой Австрия и ее союзники потерпели поражение.

❧ Валерия Вербинина ❧

— Куда ж ему деться, — хмыкнул его собеседник. — Заведут шарманку — *vive l'empereur*¹, бей пруссаков, и прочее. В Пруссии, само собой — «да здравствует король Вильгельм», бей французов... почти то же самое, но с некоторыми поправками, разумеется. Я говорил с разными людьми, кстати, и с Герценом, и они все считают, что война неизбежна.

— О! — вырвалось у писателя. — Вы встречались с Герценом?

— Да, ездил в Венецию на карнавал и столкнулся там с ним, — не без самодовольства подтвердил Тихменёв. — Я говорил вам, что был в Венеции?

— Нет.

— Ну из газет вы уже знаете, что Бисмарк вынудил австрийцев отдать Венецию своему союзнику, итальянскому королю. Прежним властям чем-то не угодил венецианский карнавал, и лет 70 или даже больше его не проводили. Тот, на который я попал в феврале, оказался первым после большого перерыва. Впечатление, по правде говоря, изумительное! Все в масках, все веселятся, шампанское пьют... ну кому оно по карману, конечно. Одно только плохо — порядка стало меньше.

— Неужели?

— Да-с, представьте себе. Везде норовят обсчитать, обжулить — как же-с: свобода пришла! А при австрийцах, заметьте, ничего подобного не наблюдалось. Тут, пожалуй, напрашивается какой-нибудь далеко идущий вывод, но...

— А что же Герцен, Платон Афанасьевич?

---

¹ Да здравствует император (*франц.*).

Тихменёв повел своими широченными плечами.

— Да я не искал с ним встречи — само вышло. Вообразите: все номера в отеле, где я хотел остановиться, оказались заняты. С трудом нашел место в «Albergo reale»¹, и тут — ба! Кого я вижу! Александр Иванович! Он был один... Вы в курсе его истории с Огаревым и их общей женой? Передовой человек, и ни до чего больше не додумался, как жену у лучшего друга увести... Впрочем, мне кажется, он и сам не рад, что все так обернулось. Баба-то оказалась — ого-го! Характерец тот еще...

— Мне кажется, это его личное дело, — пробормотал Авилов, испытывая мучительную неловкость.

— С одной стороны, да, а с другой — простите меня, батенька, но какая личная жизнь может быть у столь публичной персоны? И потом: коли уж вы говорите о преобразованиях, о справедливости, свободах и прочем, не мешало бы хоть чуточку соответствовать тому, что говоришь. Уводить жену у друга — это, простите меня, свинство чистой воды. Да и вообще, если приглядеться, все эти преобразователи в такой тине барахтаются... Огарев, по слухам, пьет и сожительствует с девицей, которую подобрал на панели, Герцен живет с бывшей мадам Огаревой, а недавно, я слышал, его сын тоже учудил: довел свою любовницу до самоубийства². Передовые люди, а? Пе-ре-до-вые! — со вкусом

---

¹ «Королевская гостиница» (итал.).

² Тихменёв в развязной манере пересказывает реальные факты запутанной личной жизни эмигрантов: после смерти жены Герцен сошелся с женой Огарева Натальей Тучковой-Огаревой, сам Огарев нашел утешение в объятиях некой Мэри Сазерленд, которая была проституткой, а гражданская жена сына Герцена Шарлотта Гетсон покончила с собой (утопилась) летом 1867 г.

проговорил Тихменёв, ослабившись. — Всерьез считают себя сливками нации... что ж из этих сливок все выходит сплошное дерьмо?

— А правда ли, что у «Колокола» дела идут не очень хорошо? — спросил Авилов, твердо решив не обращать внимания на отступления о частной жизни Герцена и его окружения.

— «Колокол», можно сказать, все, — хищно ответил Тихменёв, облизывая ложечку с мороженым. — Отзвонился, хе-хе! Никому он больше не интересен, никто его не хочет читать. От издания сплошные убытки... Представьте себе: молодые Герцена чуть ли не за реакционера считают и дел с ним иметь не хотят, а прежние его сторонники и так знают все, что он может сказать, и у него нет для них ничего нового. Справедливости ради, он и сам раскаивается в некоторых своих заблуждениях. Поверите ли, но он при мне даже ругал поляков — неисправимая нация, говорит. И много чего наговорил в таком же духе, но вообще очень чувствуется, что от России отстал человек и ничего в ней не понимает. А его язык! Я когда от него услышал — «splendидная¹ погода» — я решил, что он шутит. Но нет: он и по-русски толком говорить уже не может.

— Неужели?

— А вы думаете, почему я от него через полчаса сбежал? Кому охота выслушивать такие перлы, как «сциентифическая² статья» и «в хорошем юмёре³»...

¹ Великолепная (от франц. *splendide*).

² Научная (от франц. *scientifique*).

³ Настроении (от франц. *humeur*).

— Вы шутите, Платон Афанасьевич.

— Да ничуть! Говорил он, что его где-то «фетировали» — вместо «чувствовали», говорил, что ведет «жизнь вагабонда»... Какого, к черту, вагабонда, когда есть русское слово бродяга? Тут он добавил, что собирается на какой-то «дине»¹, и я решил, что с меня хватит. Невозможно же так издеваться над языком. Тургенев в своем последнем романе тоже напридумывал каких-то «естественных» сыновей², но до уровня дине с вагабондами все же не опускался. Слышали, что он за «Дым» с Каткова пять тысяч серебром содрал? Графиня Вильде уверяет, что это был самый дорогой дым в российской истории...

Авилов невольно улыбнулся.

— Ну-с, — жизнерадостно продолжал Тихменёв, — а роман вышел все-таки дрянь. Нельзя русскому писателю надолго отрываться от родины, а обстоятельства Ивана Сергеевича всем хорошо известны. Быть бантиком на юбке мадам Виардо ему дороже...

Михаил подумал, что теперь его собеседник примется обсуждать перипетии личной жизни Тургенева, и молодого писателя передернуло; но, к счастью, редактор заговорил о другом:

— Вы, может, скажете: ничего, что бантик, не он первый, не он последний, кого баба крепко в оборот взяла. Но чтобы играть главенствующую роль в литературе, одним бантиком быть недостаточно. Раньше

¹ Обед (*от франц. dîner*)

² Калька с французского выражения *fils naturel* — незаконный сын.

Ивану Сергеевичу везло: все, кто мог с ним соперничать, по той или иной причине отошли в тень. Гоголь умер, Достоевского сослали на каторгу, Гончаров увяз в работе по цензурному ведомству и пишет в год по чайной ложке. Заметьте, о Маркевиче¹ и ему подобных я даже не говорю — сколько бы их ни читали, как писатели они все равно немногого стоят. Немудрено прослыть гением, когда тебе противостоят Маркевичи и госпожа Тур², но стоило Достоевскому вернуться, стоило выдвинуться графу Толстому — и наш Иван Сергеевич уже не при делах. При всех своих недостатках «Война и мир» — именно тот роман, который наша литература так долго ждала, и рядом с ним меркнут все тургеневские барышни, равно как и болваны из «Дыма», ругающие Россию, с благословения автора.

— Строго говоря, — негромко заметил Михаил, — там только один... как вы выразились, болван.

— Которому никто не возражает, — язвительно напомнил Тихменёв, щуря глаза. — Вообще, батенька, скажу вам вот что: если бы, к примеру, Федор Михайлович после каторги заделался вторым Герценом и стал бы от души честить Россию на всех перекрестках, его можно было бы понять, и любой здравомыслящий человек признал бы, что у него есть такое право. Но у Достоевского, насколько я его знаю,

¹ Болеслав Маркевич (1822—1884) — популярный в свое время, а сейчас полностью забытый писатель.

² Евгения Тур (графиня Елизавета Салиас де Турнемир, 1815—1892) — известная когда-то писательница.

ничего подобного даже в мыслях нет, зато Тургенев, богатый барин, которого родина решительно ничем не обделила...

— Но он же впал в немилость при отце нынешнего государя. Разве нет?

— И был всего лишь сослан в свое имение, — усмехнулся Тихменёв. — Тоже мне, наказание! Эх, мне бы такое имение, как у Тургенева, и я с легкой душой позволил бы запереть себя там до конца своих дней... Кстати, вы знакомы с ним?

— Нет. Я... я занес свою визитную карточку, но его не оказалось дома.

— Я виделся с ним на днях, — объявил редактор. — Напомнил Ивану Сергеевичу, какую грандиозную встречу ему устроили весной, когда он приехал в Петербург и выступал там с публичным чтением. Вообразите, он прикинулся, что ничего не помнит, кроме холода и снега. И вообще в России, по его словам, он чувствовал себя как в тюрьме. К тому же управляющий Спасским, какой-то его родственник, его обкрадывал, и Иван Сергеевич порядочно с ним намучился, пока не решился указать ему на дверь. Он долго мне расписывал козни этого родственника, а я упорно пытался перевести разговор на «Дым», и, когда мне это удалось, Тургенев стал горячо меня уверять, что провал романа его мало заботит. Я хотел ему сказать, что тут не роман, тут уже репутация проваливается, но посмотрел на его седую голову, подумал: «А стоит ли?» — и промолчал. Тем более что я всю свою жизнь имею дело с писателями и знаю, что

нет такого автора, которого не волнует, как публика примет его детище.

Ах, деликатнейший Платон Афанасьевич. Ну конечно же, к чему восстанавливать против себя знаменитого писателя, к которому ты явился, чтобы узнать, может ли тот дать что-нибудь для журнала. Само собой, Тихменёв даже не упомянул об этом, но Авилов был уже достаточно искушен в литературных делах и сам обо всем догадался.

— Здесь, в Баден-Бадене, он строит себе дом, — желчно продолжал редактор. — По соседству с господою Виардо, разумеется. Если верить Ивану Сергеевичу, на строительстве его уже порядочно надули, но останавливаться он не хочет. Задавал мне вопросы о литературе и литераторах, причем довольно оригинальные. Спросил, например, что подельывает экс-журналист, экс-поэт и вечный жулик Некрасов и не превратился ли он окончательно в честного клубного шулера. Каково, а? Потом мы говорили о Парижской выставке — оказывается, Иван Сергеевич там был тогда же, когда и я, но мы каким-то образом разминулись.

— Мне очень понравились ваши статьи о выставке, — заметил Михаил, чтобы хоть что-то сказать.

— Дрянь статьи, — поморщился Тихменёв. — Я бы написал как следует, но покушение на государя¹ спутало все планы. Даже не хочется вспоминать, до чего мерзко вели себя французы. Во-первых, хороша их полиция, раз допустила подобное. Во-вторых, они

---

¹ Выстрел польского эмигранта Антона Березовского в Александра II (6 июня 1867).

не стеснялись открыто выражать симпатию к стрелявшему. Я их спрашивал: если бы, положим, государь пригласил Наполеона в Петербург и позволил бы, чтобы того подстрелили, что бы вы сказали?

— И что они вам отвечали? — спросил Авилов, скучая.

— Ну вы знаете, отделялись обычными французскими шуточками: что Наполеону нет нужды ездить в Петербург, что в России их императора никто не ненавидит, и все в таком роде. Удивительно подлая, до гнусности изворотливая нация. И ведь должны же понимать, что им нужны союзники, раз они собираются воевать с Пруссией, но нет: сами все делают, чтобы самого сильного возможного союзника оттолкнуть.

— Может быть, они считают, что союзники им не нужны.

— Э, батенька, да ничего они не считают, — уже с досадой промолвил Тихменёв. Михаил нахмурился, вновь услышав резавшее его слух обращение «батенька», и опустил глаза. — Мы их раздражаем, и даже более того скажу: бесим мы их до ужаса, вот что. Они из кожи вон лезут, чтобы нас унижить, и готовы ради этого даже срубить сук, на котором сидят. Ну и пусть рубят, пусть грохнутся и сломают себе наконец шею. Пруссаки побили австрийцев, теперь очередь французов быть битыми.

— Я вижу, нелегко вам пришлось в Париже, — заметил писатель с иронией, которую даже не давал себе труда скрыть. Однако собеседник воспринял его слова всерьез.